
СМЕНА КУЛЬТУР И КУЛЬТУРНЫЕ КАТАСТРОФЫ

И.В. Бруяко

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ФРАКИЙЦЕВ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

I.V. Bruyako. Historical Destinies of the Thracians in Carpathian-Dniester Area.

The article studies cultural-chronological and spatial dynamics of the North Thracian area since the earliest times to the early Middle Ages with regard to the continuity of the Thracian cultural tradition. Each group of researchers appreciates this continuity in different degrees – from continuous gradual evolution (the so called theory of cultural continuity) to interrupted, discrete development of tradition. The latter seems to be more substantiated both from the point of view of cultural genesis in general and going by results of archaeological research and written records.

Историография вопроса кратко сводится к следующему. Античная письменная традиция и опирающиеся на неё археологические данные говорят о том, что древнейшим населением Карпато-Днестровских земель, этническая принадлежность которого не вызывает у нас никаких сомнений, были племена фракийцев. В научном лагере, именуемом фракологическим, это положение действительно кажется бесспорным. Но это, пожалуй, и единственное, с чем согласны все. Дальше начинается обширное дискуссионное поле.

Споры вызывают буквально все аспекты проблематики. Этно-(культуро-)генетическая ритмика фракийского массива видится либо в виде территориально-хронологической (эволюционной) преемственности (т.н. теория «континуитета»), либо в виде той же преемственности, но уже дискретной. Нет согласия относительно хронологии этих ритмов. В частности, по-разному понимается хронологическая пульсация (сужение и расширение) фракийского ареала, степень участия фракийских культур и племен в процессах культууро- и политогенеза на Балканах в целом; их влияние на сопредельные территории варварского мира; процесс взаимодействия фракийских культур и античной цивилизации в Понтийском и Эгейском бассейнах.

Перечень спорных вопросов можно продолжать и дальше. Однако и без того ясно, что подобного рода разногласия довольно отчетливо дробят фракологический «интернационал» на разные научные группы. Причем речь должна идти даже не о группах исследователей, а скорее о трёх концепциях и их сторонниках. Дело в том, что фракологическая проблематика на сегодня охватывает весьма широкий хронологический пласт – от середины-второй половины II тыс. до Р.Х., до сер. I тыс. от Р.Х. Понятно, хотя и прискорбно, что в наш век чрезвычайно узких специализаций одинаково свободно ориентироваться во всех срезах этого пласта практически невозможно. Если мы исключим экзотические эпохи т.н. «донаучной фракологии» (периоды нео-энеолита, раннего бронзового века, равно как средние века и новое время), то фракийской проблемой объективно могут заниматься специалисты по археологии позднего бронзового века, гальштатской эпохи, скифологи, археологи-античники, сарматологи, историки-антиковеды и ориенталисты, а также филологи-лингвисты самого разного профиля.

Именно поэтому можно говорить не столько о группах исследователей, сколько о концепциях, которым вполне могут соответствовать представители самых разных разделов **научной**

фракологии. На мой взгляд, проблема фракийского культурогенеза сводима в основном к трём таким концепциям. Две из них, как и полагается в таких случаях, являются полярными (=непримиримыми). Третья допускает возможность компромисса, синтезируя те или иные аспекты полярных концепций.

Первая концепция: её представители отстаивают абсолютный континуитет фракийского этноса (или пра-этноса), начало которого теряется где-то во мгле балканского энеолита. Насколько мне известно, в этом сверхглубоком пласте весьма активно работают болгарские и румынские археологи. Они охотно оперируют терминами «фракийский энеолит», «прафракийцы» и «прафракийская общность», «доисторическая Фракия» и так далее, причём приставка «пра-» в данном случае – не более чем реверанс, который как бы извиняет ту смелость, с которой эти дефиниции переносятся во временной пласт, предшествующий распаду индоевропейской языковой семьи. Комментировать всё это я не буду по трём причинам. Во-первых, как уже отмечалось, этноархеологические штудии в эпоху палеометалла относятся к области т.н. «донаучной» фракологии. Во-вторых, понятие «фракийский энеолит» обычно используют применительно к районам южной Фракии. Мы же будем говорить о Карпато-Днестровских землях, которые традиционно считаются ареалом северофракийских племен. Наконец, в-третьих, эпоха палеометалла весьма далека от круга моих научных интересов.

Итак, согласно сценарию **первой концепции**, исторические судьбы фракийского населения Днестровско-Карпатских земель выглядят следующим образом. Культуры так называемого фракийского гальштата (конец XII/нач. XI – VII вв. до Р.Х.) плавно перетекают в древности ранних гетов (VI – V вв.), а затем в классическую гетскую культуру (IV – III вв. до Р.Х.). Впрочем, для большей части III века актуально заполнение этого столетия полноценными (в археологическом смысле) фракийскими памятниками. Не слишком внятно, но эта проблема вроде бы решается и во II в. до Р.Х. берёт начало новая, вполне отчётливая и уверенная линия фракийского этно-(культуро-)генеза. Связана эта линия с легендарными даками, археологические памятники которых, будь то в чистом виде, либо в некоем синкретическом варианте (напр. «карпо-даки») определенно существуют вплоть до III в. от Р.Х.

Далее, «переболев» романизацией и «перележав» эту «болезнь» где-то в горных районах

Трансильвании, в эпоху раннего средневековья уже ушедшие в небытие даки (=фракийцы) внезапно вызвали к жизни некий исторический («фракийский») рецидив в виде волохов-влахов. Именно так представляют себе этот процесс сторонники «карпатской» (автохтонной) теории происхождения волохов¹. А дальше всё более или менее ясно, ибо это действительно реальная точка отсчёта истории современного румынско-молдавского этноса. Самые большие трудности заключались как раз в поисках героико-эпических предков, которых можно было бы вплести в этно- и политогенез восточнороманских общностей II тыс.от Р.Х.

Вполне понятно, что в этой концепции культурогенез фракийцев выглядит в виде некоей однажды изверженной, но с тех пор величественно и безнадежно застывшей вулканической лавы. Сотворённый однажды, северофракийский культурный ареал сверхустойчив к различного рода внешним воздействиям и, по большому счету, о каком-либо культурогенезе речь не идет. Какие-либо изменения допустимы лишь в пределах уже заданной формы, и в этом отношении северофракийский культурный ареал сопоставим с явлением исторической псевдоморфозы Освальда Шпенглера (Шпенглер 1991: 26). Девиз представителей этой концепции блестяще определяет фраза, завершающая коллективную монографию молдавско-румынских авторов, посвящённую городищу Бутучень: «...на примере городища Бутучень можно проследить эволюцию фрако-гетских общностей со второй половины/конца X в. до н.э. и до первой половины II в. до н.э. без хронологических разрывов и демографических хиатусов» (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: 69, 118). Итак, фракийцы были всегда, везде, они самодостаточны, вездесущи и неистребимы. Ареал расселения – Молдова в своем природном, историко-географическом смысле (Карпато-Днестровские земли), Валахия, Трансильвания, Добруджа².

Вторая концепция является прямой противоположностью первой. Существует некий совершенно незыблемый фундамент в виде

¹ Противоположную точку зрения образует «балканская» (миграционная) версия происхождения тех же волохов. Краткая характеристика этих двух концепций, с указанием основной литературы по данному вопросу, содержится в недавно вышедшей монографии Р.А.Рабиновича (Рабинович 2000: 263-264, 371).

² Еще совсем недавно мы могли наблюдать энергичное развитие совершенно аналогичной концепции в отношении славянского этногенеза. Та же настойчивость (достойная лучшего применения), то же рвение (обостряемое отнюдь не научными проблемами), примерно тот же сценарий и очень похожие проблемы.

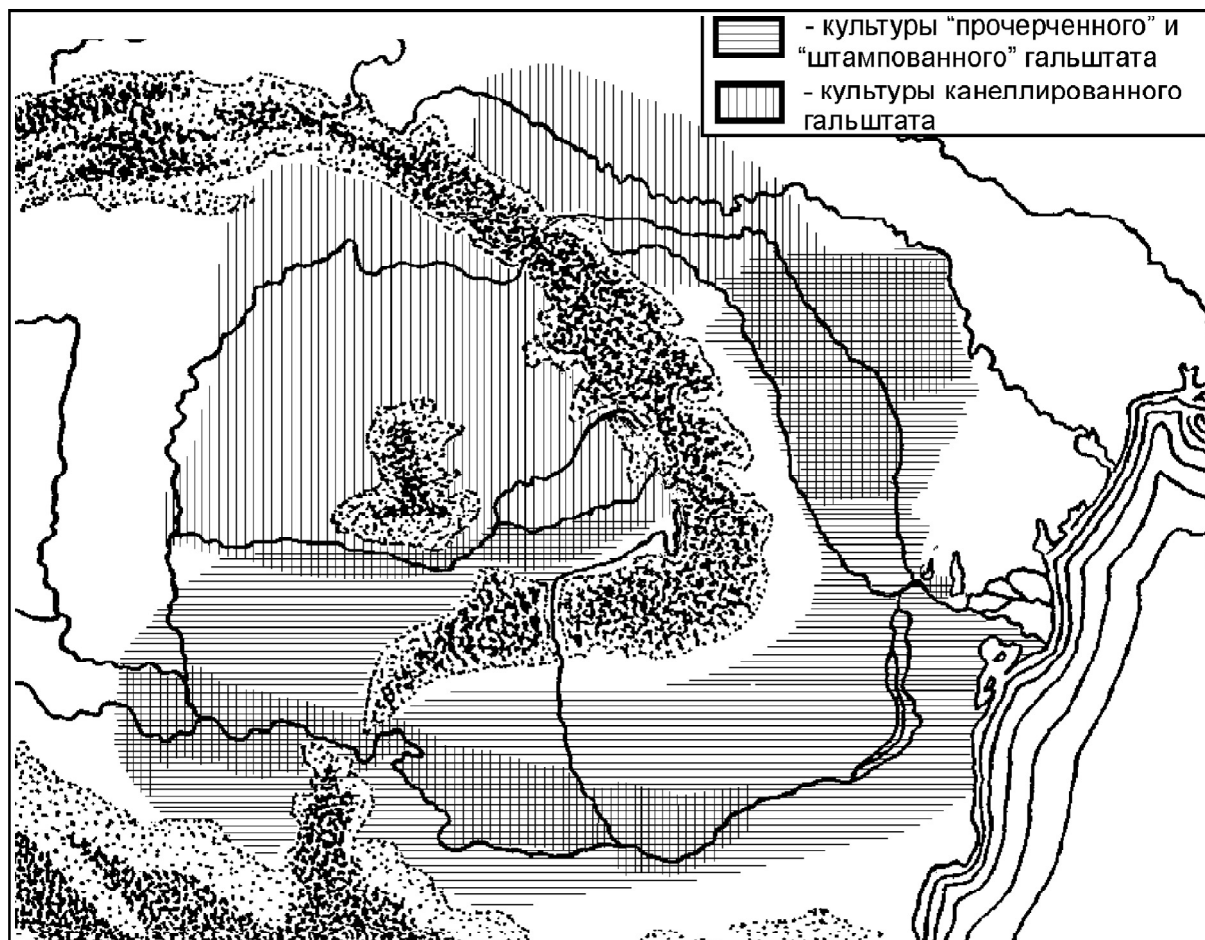

Рис.1. Северофракийский ареал в гальштатскую эпоху (XI – первая пол. VII вв. до Р. Х.).

античной литературной традиции, представители которой достаточно ясно говорят о том, где и когда жили геты, которых эти же авторы единодушно относят к фракийцам северного ареала. Однако эти свидетельства, а с ними и появление на исторической арене гетов, относятся ко времени никак не ранее VI в. до Р.Х. Есть ещё сведения, сообщаемые Гомером, который, впрочем, знает лишь о некоей монолитной фракийской общности, не слишком уверенно делимой на отдельные фракийские народности (племена). Однако, в любом случае, в поэмах Гомера речь безусловно идёт о южных фракийцах. Тем не менее, фракийцы остаются фракийцами и, учитывая хронологию древнейшего пласта «Илиады», их достоверную археологическую идентификацию можно перенести ещё дальше, вглубь позднего бронзового века Центральных Балкан и позднейшей микенской эпохи в Эгейском бассейне. Именно на этом хронологическом интервале, двигаясь вглубь веков, последний раз можно проследить определённое соответствие между письменными и археологическими источни-

ками, которое позволяет связать фракийцев Гомера с культурами-носителями традиции т.н. «Buckelkeramik». Синхронные слои Трои VIIb2 и памятников типа Бабадаг в низовьях Дуная, где зафиксирована такая керамика в XI в. до Р.Х., дают нам *t.p. quem* фактического начала фракийского культурогенеза. И здесь уже речь идет о северофракийском ареале.

Дальше, вглубь II тыс. до Р.Х. эта «преемственность наоборот» прерывается полным отсутствием всякой письменной традиции, которая могла бы хоть как-то пролить свет на историю фракийских племён. Фактически, мы достигли определённого порога, когда в эпоху позднего бронзового века из «дописьменного» небытия возникает новая культурная традиция. С этого момента за судьбами фракийских культур можно наблюдать в привычном хронологическом ритме.

Итак, для изучения культурогенеза северных фракийцев достоверно наиболее ранним является обширный хронологический диапазон (XII-VII вв.), который заполняется древностями

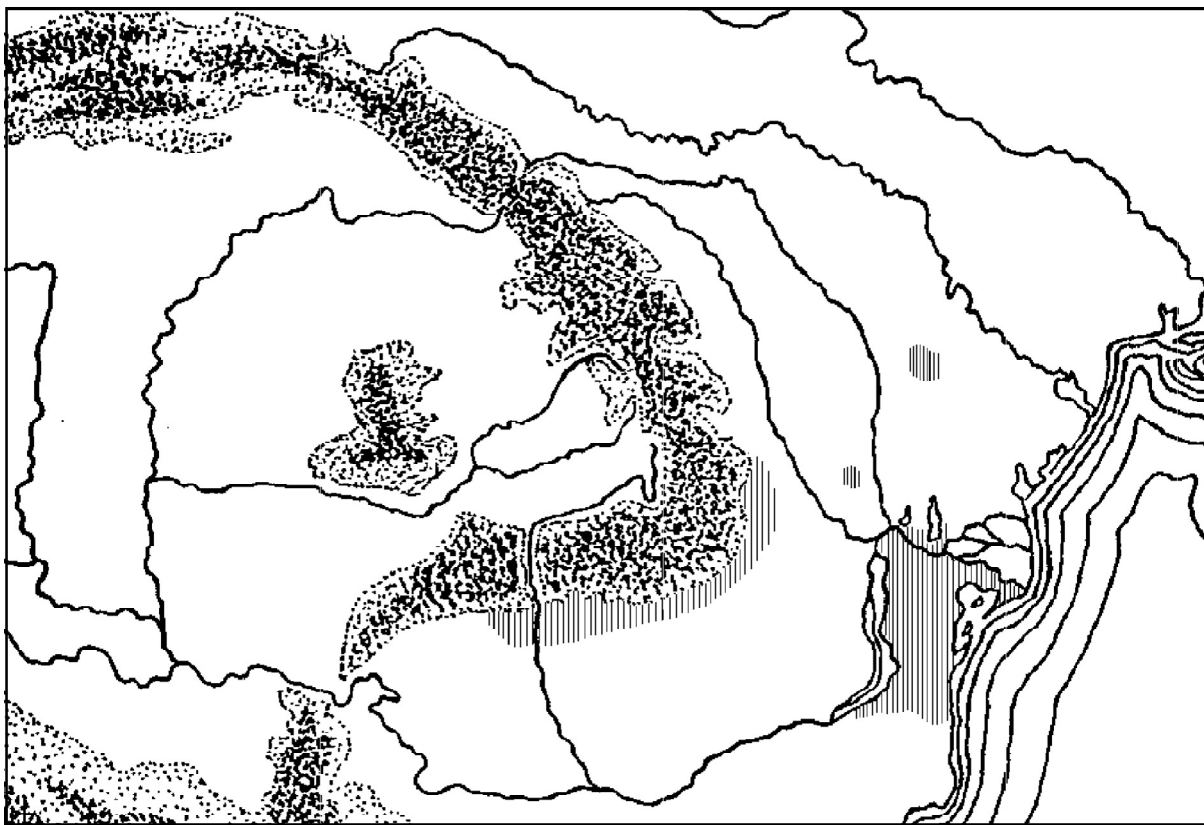

Рис. 2. Северофракийский ареал во второй пол. VII – первой пол. V вв. до Р.Х.

различных фракийских групп гальштатского периода (рис. 1)³.

Эти культуры выглядят абсолютно самостоятельными, а их культурный ритм – вполне цельным. Однако, между ними и древностями ранних гетов обнаруживается хронологический разрыв, который насчитывает, по меньшей мере, сотню лет. Далее, перед нами разворачивается панорама становления непрерывной традиции гетской культуры, которая вновь пресекается в III в. до Р.Х. Только со II в. вполне отчетливо начинает проследиваться мощная и длительная дакийская традиция.

Вопрос о преемственности древних даков (фракийцев) и средневековых волохов представителями этой концепции, как правило, во-

³ Термин «фракийский гальштат» слишком долго бытовал в научном мире, для того чтобы не раздражать своим занудным постоянством многих талантливых новаторов западноевропейской школы. А между тем, этот термин исчерпывающе-кратко обозначает фактически первую попытку образования универсальной европейской культуры (ЕС) с центром в альпийском регионе (может быть даже где-то в районе Хюнебурга-Страсбурга?) и периферийными областями в Восточной Европе. Последние, в числе которых и населенный в основном фракийцами весьма крупный Карпато-Дунайский бассейн, волей-неволей оказались подвержены влиянию этой паневропейской (гальштатской) культуры.

обще не ставится, ибо это и так ясно. Что же касается непрерывной (по мнению приверженцев теории континуитета) этнокультурной линии развития северных фракийцев, то в ней, на самом деле, обнаруживаются более или менее зияющие пустоты.

Хронологическую дискретность северофракийского массива на протяжении полутора тысяч лет их истории обозначают не только разрывы между крупными блоками древностей. Неоднородность заметна и внутри самих блоков, в частности, блока культур фракийского гальштата. Прежде всего, речь идет о культурах т.н. каннелированного гальштата (Кишинев-Корлэтеня, Гава, Грэничешть). В последнее время появление этих культур в Восточном Прикарпатье и Восточной Венгрии (Алфельде) связывается с мощной миграцией иллирийского населения Западных Балкан. Тем самым, полагают в частности Т. Кеменцеи, Г.И. Смирнова, культуры т.н. каннелированного гальштата не фракийские, а иллирийские. Если это так, то тогда вопрос, о принадлежности этих культур фракийскому этносу будет выглядеть неуместным. Но это еще не всё.

Совсем недавно был поставлен знак вопроса перед такими, казалось бы, бесспорны-

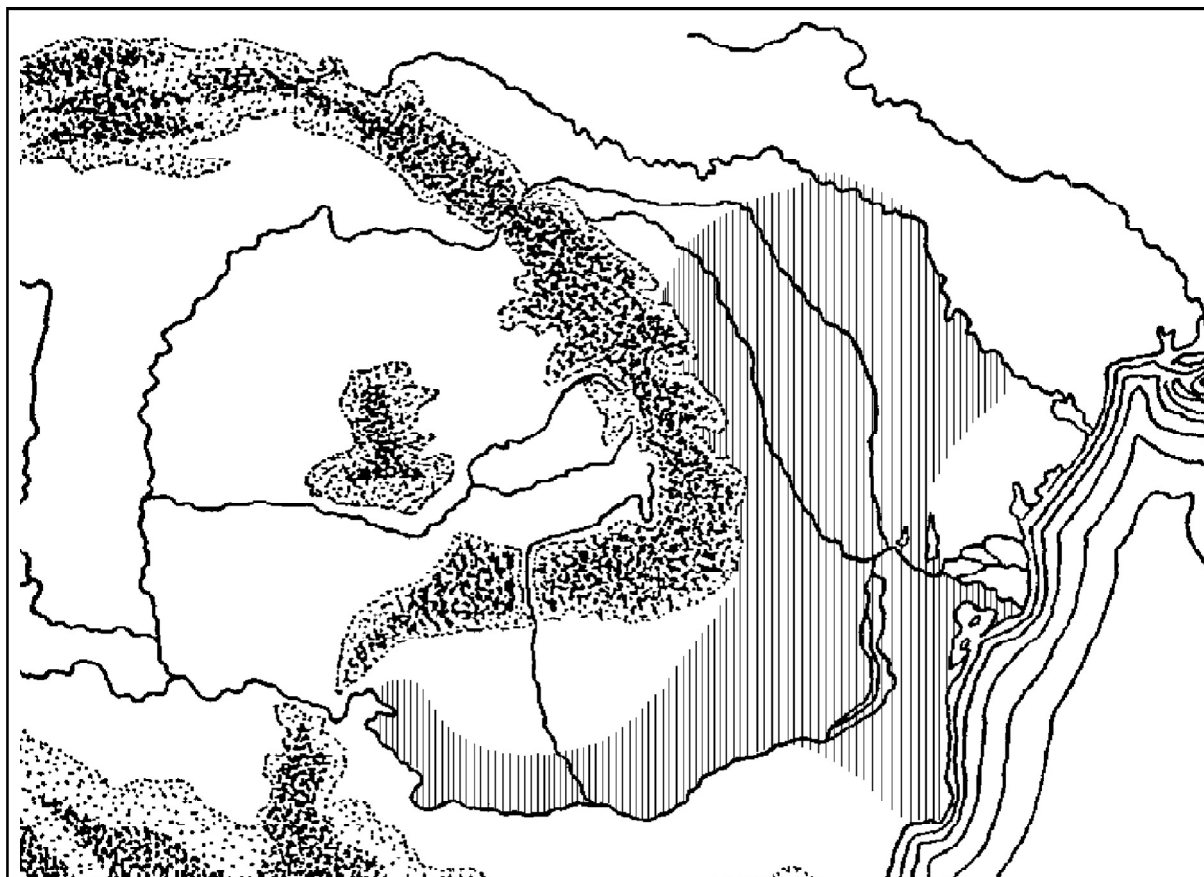

Рис. 3. Северофракийский ареал («Гетика») в конце V – нач. III вв. до Р. Х.

ми классическими фракийскими культурами гальштатской эпохи, как Козия, Сахарна, Бабадаг и др. (Романчук 2001-2002)⁴. Напомним, что эти культуры (т.н. прочерченного и штампованного гальштата) – своеобразная визитная карточка фракийцев эпохи раннего железного века.

Не все понятно и с самым заметным и безусловно ярким явлением гальштатского периода – культурой Басарабь, поскольку ситуация здесь отчасти похожа на то, что происходило в более раннее время с культурами каннелированного гальштата. Если взять сам эпонимный памятник – некрополь Басарабь, то, за исключением керамики, его мало что роднит с предшествующей фракийской традицией. Эту точку зрения активно защищал Владимир Думитреску – автор раскопок в Басарабь. Он говорил о том, что закладку этого могиль-

ника нужно связывать с очередной волной иллирийского населения, прорыв которого через район Железных Ворот в Олтению произошел в начале VII века (Dumitrescu 1968: 258-259).

Это проблемы, касающиеся первого блока – культур т.н. фракийского гальштата. Далее наблюдается настолько явный перерыв в традиции, что его отчасти признают даже сторонники фрако-молдавского континуитета. Речь идет о лакуне между гальштатскими и гетскими древностями (вторая пол. VII – первая пол. VI вв.). Она обусловлена совершенно очевидным сокращением числа памятников северофракийского ареала (рис.2). От фракийских памятников практически полностью свободна Молдова (как запрутская, так и прутоднестровская) и Трансильвания. Запустение наблюдается и в равнинных районах Валахии. Пожалуй, самая высокая концентрация фракийских памятников этого периода – Северо-Восточная Добруджа. Что, кстати говоря, полностью соответствует данным Геродота и Фукидида, согласно которым, геты обитают в области, известной нам под названием Добруджа. О фракийцах, живущих севернее Дуная (Истра), ни Геродот, ни Фукидид ничего не знают.

⁴ Оставим в стороне сомнительную доказательную часть работы и отметим, что нечто подобное уже предлагалось ранее. Эти же культуры в соответствии с иной идеологической доктриной если и не ставились в ряд праславянских, то подразумевалось сильнейшее влияние, которое они испытывали со стороны культур приднепровской лесостепи (Черный Лес-Жаботин), которые в свою очередь объявлялись бесспорно праславянскими.

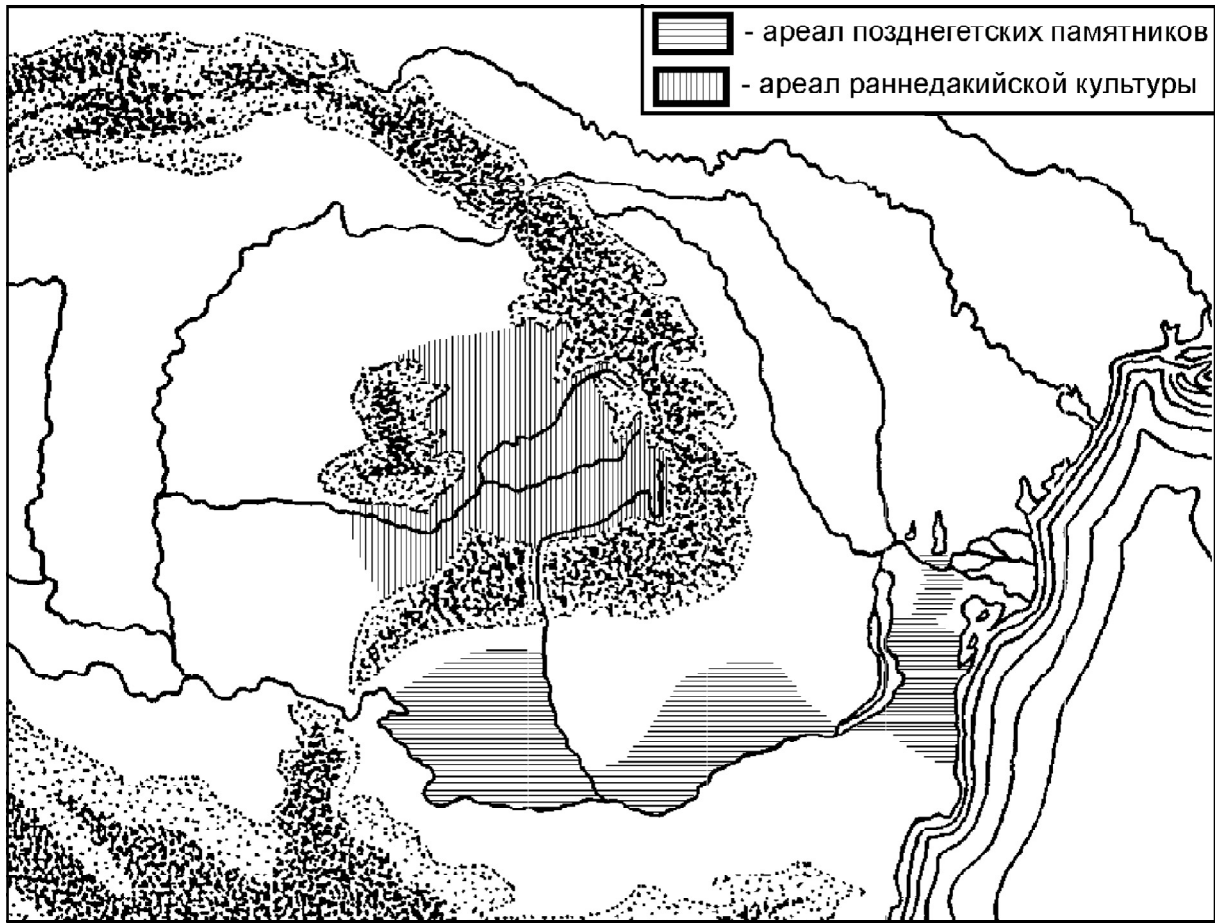

Рис. 4. Северофракийский ареал в конце III – II вв. до Р. Х.

Причем заподозрить этих авторов, и прежде всего Геродота, в ограниченности историко-географического кругозора нельзя, ибо обширные области, лежащие к западу, северу и востоку от Карпато-Днестровских земель заполнены массой конкретных народностей, многие из которых упомянуты «отцом истории» впервые.

Культурно-демографическая ситуация VI в. практически полностью повторяется на стыке гетской и дакийской традиций. Гетский монолит в Бессарабии и румынской Молдове под воздействием извне раскололся уже в начале III века. А в конце столетия ареал «Гетики» (рис.3) был довольно плотно освоен не до конца ясной в этническом плане культурой Поянешть-Лукашевка. Нужно признать, что определенное гетское наследие в керамическом комплексе этой культуры присутствует (Ткачук 1999: 293-296). Тем не менее, начиная с III-II вв. до Р.Х. фракийская традиция на территории Бессарабии начинает сходиться на нет, а вместе с ней растворяется и фракийское население (этнос).

Третья, последняя вспышка фракийского культурогенеза связанная с даками, охватила

в основном районы Трансильвании, Валахии и запрутской Молдовы (рис.4). В Бессарабии вплоть до конца античной эпохи мы можем видеть лишь деградирующую трансформацию фракийских традиций, до полной потери мало-мальски заметных этнокультурных штрихов-маркеров. Вначале эти традиции хранятся среди каких-то степных древностей первых двух столетий христианской эры, а затем в сверхкультуре Черняхово, с ее гигантским ареалом, охватившим и Восточное Прикарпатье. Достаточно мирно в этот оседло-земледельческий фон Восточного Прикарпатья вписались сарматы, выступая даже в качестве наемного культуртрегера между различными зонами оседлости до тех пор, пока они сами (в IV веке), незаметно для себя, были адаптированы населением этих зон.

И все же, в римское время жизнедеятельность северофракийского ареала обеспечивается теперь уже дакийской традицией, длящейся до третьего века от Р.Х. включительно. Однако и эта изначально оригинальная и вполне жизнеспособная традиция, с одной стороны, и умирающее фракийское наследие в Бессара-

бии – с другой, окончательно пропадают в дымящемся хаосе V в. от Р.Х.

«Гуннский потоп», или, если угодно, культурно-историческая зачистка, привел к тому, что на какое-то время в Восточной Европе образовалась гигантская черная дыра параллельного мира, в которой безнадежно исчезают все путеводные нити, с помощью которых можно связать фракийцев древнего мира (и не только их одних) с ранним средневековьем.

Третья концепция, как я уже говорил, в известном смысле компромиссная, то есть сглаживающая острые углы двух полярных концепций. Её основа – выявление в культурах, которые существуют на границах культурно-хронологических разрывов, каких-то традиций древних фракийских культур – традиций скрытых, но, безусловно, где-то сохранявшихся.

Подводя некоторые итоги, отметим нечто, с моей точки зрения, совершенно очевидное. Линия фракийского культурогенеза – не есть линия непрерывная. Она имеет явные разрывы. Наиболее отчетливо обозначились три перерыва в традиции: гальштат/геты, геты/даки, даки/волохи. Причём третий разрыв фактически сигнализирует о гибели старой традиции. Все эти лакуны ставят под сомнение жизнеспособность первой концепции. Это факт. Но, вместе с тем, непроницаемость, непреодолимость этих разрывов не стоит абсолютизировать. Через такие «критические» зоны наверняка можно провести какие-то штриховые, пунктирные линии. Иначе говоря, есть место для каких-то скрытых форм культурогенеза, трудно пока поддающихся какому-либо анализу. Такие процессы, которые происходят в местах разрывов, сродни процессам, происходящим в зонах уже упомянутых космических «черных дыр», а потому выглядят не слишком понятными. На интуитивном уровне ясно лишь, что разрыв преодолевается с помощью некоего скачка. Это и можно назвать «культурогенезом с элементами спонтанной (немотивированной) трансформации».

В качестве примера приведу ситуацию VII в. до Р.Х. в Восточной Венгрии (Алфельде). Тогда традиция предшествующей эпохи была полностью нарушена. Для Алфельда VII век – это очередные «темные века» очередной культурно-исторической области. Резко обрывается связь с земледельческой Средней Европой. Ареалы гальштатской и лужицкой культур доходят только до дунайской «вертикали», делящей нынешнюю Венгрию с севера на юг на две части. Население этих культур по каким-то причинам полностью теряет интерес к райо-

нам восточнее Дуная, хотя в эпоху Урненфельд в культурном отношении это была фактически одна зона.

Где-то на рубеже VII – VI вв. в эту провинцию евразийской степи попадают скифы. И вот, с появлением здесь кочевников оказывается, что традиция культур Гава, Киятице, которые, казалось бы, исчезли навсегда, вдруг возникают из небытия. В могильниках культуры Векерзуг появляется керамика, которая явно несет в себе традиции предшествующей эпохи – X-VIII вв., проявившиеся теперь уже в VI веке. Ничего другого не остается, как предположить, что эти традиции «дремали» где-нибудь в глухих закоулках провинции, а потом, достаточно внезапно, были востребованы к жизни. Теоретически все почти безупречно. Реальная, описательная картина этого процесса мне неясна. Понятно лишь, что катализатором скачка в данном случае выступили восточные кочевники.

Вернемся к нашим разрывам. Говоря о первом из них (гальштатско-гетском), следует полностью согласиться со сторонниками второй концепции. Это действительно отрицательная фаза пульсации – резкое сокращение ареала северных фракийцев. Куда исчезло население, сказать трудно. Для этого, как минимум, необходимо разобраться с хронологией памятников позднейшего этапа и выяснить их реальное количество. Затем нужно оглядеться вокруг в поисках приграничных областей, где, возможно, в чужеродной среде прижились элементы фракийской культуры, рассеявшиеся из основного ареала.

Оказывается, что интересующий нас вопрос весьма тускло, но всё же освещают отдельные очаги фракийской культуры периода НаС-Д в предгорьях Карпат, единичные памятники в Молдавии. Дальше инерция традиции предшествующей накладывается на традицию нарождающуюся. Это и есть та возможность преодоления разрывов (тонкими пунктирными линиями), о которой уже шла речь (Ткачук 1999: 284). Конкретный пример дают, с одной стороны, могильник Селиште, где, по-видимому, присутствуют позднейшие погребения шолдэнштского этапа и, с другой стороны, могильник Данчены, который демонстрирует абсолютно новый спектр традиций, сдобренный, впрочем, чем-то архаичным и, вроде бы, уже когда-то виденным.

Поиски соседей, принявших участие в продолжении жизни фракийской гальштатской традиции, тоже оказываются бесполезными.

Возникшая в середине VII в. до Р.Х. древнегреческая колония на острове Березань даёт нам прекрасный, репрезентативный набор фракийской керамики, в том числе и каннелированной, о которой в самом фракийском ареале уже стали забывать. Очень возможно, что какая-то часть населения могла покинуть Днестровско-Прутское междуречье и перебраться в Нижнее Побужье, дав начало фракийской диаспоре в этом очаге колонизации. Так что первый разрыв вполне преодолим. Конечно, не так комфортно и непринуждённо, как это пытаются представить сторонники первой концепции, но всё же.

О возможности преодоления второго разрыва мы уже говорили. Необходимо лишь помнить об очередной пульсации северофракийского ареала. Вначале генерирующая роль принадлежит одной лишь Трансильвании. Чуть позже, в I в. до Р.Х., наблюдается выход дакийской традиции за пределы Восточных и Южных Карпат. Правда, теперь уже энергии этого «выплеска» хватило лишь на то, чтобы накрыть ближайшие к Карпатской дуге территории – Валахию и запрутскую Молдову. В Бессарабии дакийских памятников нет⁵.

Но вот что касается третьего разрыва, то это даже не камень преткновения, это «Китайская стена», о которую расшибали лбы многие из тех, кто пытался пропихнуть сквозь неё возделенные линии преемственности с ныне живущими народами. Эта «стена» достигает толщины в триста-четырееста, а местами и более, сотен лет.

Попытка преодоления этой стены сторонниками первой концепции сводится к двум основным постулатам аксиомного свойства. Первый – бурная и стремительная романизация, на которой основана теория происхождения румыно-молдавского этноса от дако-римского⁶. Второй – статус Трансильвании как культурного реликвария, или некоего подобия лавки старьевщика-антиквара. И надо сказать, что оба эти

⁵ Прутени (Тельнов, Ворник, Бубулич 2004) – лишь исключение, подтверждающее правило. К тому же, этот памятник «свободных даков», очень робко обозначивших свое присутствие на самом краю левобережья Прута, явно тяготеет к их основному ареалу – запрутской Молдове.

⁶ Основание к этому более чем спорное и было оценено давно. К примеру, светлейший князь Николай Трубецкой формулировал это основание так: «... направление культурной работы румын в значительной степени обуславливается тем, что они считают себя «романским народом» на том основании, что среди элементов, из которых создалась румынская национальность, в очень отдалённые времена был и небольшой отряд римских солдат» (Трубецкой 2000: 114-115).

положения сомнений как бы и не вызывают. Однако развитие любого такого положения имеет определенный ресурс научной достоверности.

Способность Трансильвании сохранять или даже «музеефицировать» культурные традиции, в принципе, известна. В данном случае речь идет о том, что основной «метлой», которая могла бы выметать остатки народов и осколки их культурного наследия, могли быть мобильные, агрессивные мигранты, на роль которых лучше всего подходят кочевники. Однако почти за 2500 лет ни один из кочевых народов, за исключением скифов, не связал свою судьбу с Трансильванией. По каким-то причинам, этот «котёл» их не привлекал.

Второй постулат, это всё (или почти всё) объясняющая романизация. При этом, похоже, не делается различий между равноуровневыми аспектами этого общего понятия – этническим, политическим, социальным, экономическим. Но ведь сторонники **первой концепции** фракийского культурогенеза идут значительно дальше и абсолютно бездоказательно по сути переносят эту преемственность в сферу этногенеза, этнолингвистики и даже этноисторического менталитета⁷.

Проиллюстрируем лишь один из возможных аспектов романизации. Весьма примечательный, социально-экономический критерий романизации той или иной провинции представляет собой такое явление как римская вилла (*villae rusticae*). Этот объект не стоит понимать как античный эквивалент современной дачи. Это форма поместья и организация сельскохозяйственной деятельности с чисто римской спецификой, а шире – специфически римская форма земельной собственности и организации сельскохозяйственного производства (Масленников 1998: 122). Весьма трепетное отношение римлян к сельской вилле как исторически выстраданной экономической структуре своего общества прекрасно демонстрирует серия трактатов римских аграриев. По-видимому, плотность сельских вилл в той или иной провинции вполне может быть показателем социально-экономической романизации. По данным болгарских исследователей, счёт римских вилл во Фракии шел на сотни (Николов 1985: 61-62). Для срав-

⁷ Заметим, что ни британцы, ни французы с немцами, ни испанцы ни даже итальянцы не считают себя потомками римлян, справедливо рассудив, что не нужно искать предков там, где их нет. «Sapienti sat!». Попытка выдуманного конструирования теории преемственности римлян и итальянцев, предпринятая Б.Муссолини, оказалась, мягко говоря, несостоятельной.

нения можно взглянуть на карту римских памятников Дакии, где поселения типа *villae rusticae* единичны. (Daicoviciu 1970: pl.IV).

В широком смысле слова романизации, в той или иной степени, была подвержена любая из провинций Римской империи. Почему именно даки оказались столь восприимчивы к процессу романизации? При том, что объективных причин к этому, в данном случае, было подчас даже меньше, чем у населения многих других провинций.

Дакия оказалась в составе Римской империи в эпоху Траяна и вышла из неё одной из первых, в правление Аврелиана. Получается, что период, отводимый на романизацию, был равен 160 – 170 годам, или периоду жизни пяти-шести поколений. Для сравнения: Фракия, Паннония, Британия оказались в составе Римской империи в I в. от Р.Х. Галлия – в середине I в. до Р.Х. Испания уже во II в. до Р.Х. Можно, конечно, возразить, опираясь на отмеченный выше консервативный статус Трансильвании. Действительно, по Паннонии, к примеру, «огнём и мечом» прошли все, кому не лень – гунны, вандалы, авары, венгры. По Фракии – готы, славяне, протоболгары. По Британии – англ, саксы, юты, и ещё Бог знает, какие германцы. С этими провинциями ситуация объяснима и в этом отношении Трансильвания от них, в самом деле, выгодно отличается. Но это отличие полностью нивелируется примером Испании. В V веке Пиренейский полуостров представлял собой евро-африканский проходной двор, через который (или до которого) потоком двигались свевы, вандалы, вестготы, франки, алеманы. В VIII в. арабы, частично истребив, частично загнав в горы Галисии одну из самых романизированных германских народностей – вестготов – меняют вектор миграций по этому двору на противоположный – афро-европейский. Но, при всех этих катаклизмах, хочется заметить, что Пиренейский полуостров насчитывает добрый десяток ландшафтно-географических «котлов», каждый из которых вполне сопоставим с Трансильванией. Яркий пример этнокультурной консервации, без малейшего намёка на какую бы то ни было романизацию, дают баски.

Италия! Вот область, где поиски преемственности в самом широком смысле, между древностью и средневековьем, казалось бы, обречены на успех. Здесь инерционный очаг итало-римской культуры, напрягая последние силы с V по VIII вв. дробил и перемалывал в пластичную массу разнообразные германские (и не только!) группы, волнами накатывав-

шиеся с севера – скиры, остготы, бавары, тюринги, свевы, лангобарды. И когда на лангобардах этот поток иссяк, и можно было перевести дух, оказалось, что более чем трехсотлетний процесс этнокультурной адаптации был двусторонним. Две культуры – итало-римская и германская – трансформировались в нечто иное, принципиально новое, давшее в конечном итоге начало итальянскому этносу (Шервуд 1989: 42). Отнюдь не риторической можно считать фразу, которую император Никифор Фока в сердцах бросил епископу Кремонскому с весьма примечательным именем – Лиутпранд: «Вы не римляне, а лангобарды!». Борьба двух культур за «место под солнцем» завершилась тем, что это самое место досталось третьей культуре, порожденной этим противостоянием. Какова же, в таком случае, мера преемственности итальянской и латинской культур?

Многие из германцев, кто не добрался до Пиренеев и Италии, попадали в Галлию. Для христианских авторов V века Галлия являла собой образ гигантского погребального костра. Интересно, что именно здесь наглядность культурно-исторической катастрофы, обозначившей рубеж между древностью и средневековьем, выглядит наиболее отчетливо. Рухнувшее в одночасье монументальное здание Римской империи с головой накрыло германцев. Выкарабкавшись из-под обломков, они не придали особого значения тому, что с ног до головы оказались засыпанными латинской пылью. За исключением самих себя, ничего нового варвары не выдумали и не принесли с собой. Начиная от языка до системы управления и объектов инфраструктуры, всё было заимствовано из предшествующей эпохи. Пускай вульгарная, но всё же латынь. Система налогов и управления, которую контролируют представители старой, галло-римской знати. Римские дороги ещё в конце V в. содержатся практически в идеальном состоянии. Римские виллы в Галлии, сооруженные в I в. от Р.Х. с перестройками, достройками существуют вплоть до VII века (Лебек 1993: 83). Последний бастион культурной самоидентификации рассыпался вместе со снятием запрета на смешанные браки. Кажется, что вот где погребена искомая преемственность! Святая вера в оригинальную прочность возводимого здания средневековой Европы была лишь самообманом. Германцы вряд ли догадывались о том, что на самом деле прочность этому зданию обеспечивает незыблемый фундамент античной цивилизации, взломать который, при всем желании, оказалось не под силу

разношерстной варварской лавине эпохи Великого переселения народов. О такого рода преемственности можно вести речь. Хочется думать, что на такой преемственности настаивает в частности Ж. ле Гофф, говоря о том, что каждый средневековый ренессанс, начиная с каролингского, сильнее, чем ностальгию по античности, выражал свое отчуждение от неё (Ле Гофф 1992: 39-40).

Однако, во всей этой цепочке последовательно разворачивающихся событий не было главного звена, обеспечивающего полноценную *этнокультурную преемственность* – населения, людей, ощущавших себя одновременно носителями новой и наследниками старой культуры.

Нетрудно заметить, что последние иллюстрации этнокультурных процессов разворачиваются уже на фоне новой эпохи – раннего средневековья. Бессознательная деятельность германцев по переустройству Древнего мира начинается тогда, когда культура этого мира и ее носители уже отделились друг от друга. На агонизирующую традицию древности накладывается новая традиция средневековья. И тогда V век неизбежно стоит на пути всех усилий, направленных на поиски героических предков. И неважно, будут ли это даки (фракийцы), славяне или германцы. Интересно, так ли уж часто мы вспоминаем о том, что последние являются равноценными предками двух совершеннейших антиподов в европейской истории – немцев и французов, а заодно еще в какой-то степени и англичан?

ЛИТЕРАТУРА

- Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.
- Лебек С. 1993. Происхождение франков (V-IX века) // Новая история средневековой Франции. Т.1. М.
- Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены // Сельская территория Боспора в античную эпоху. М.
- Рабинович Р.А. 2000. Искушение «волошским орехом», или балканские волохи и русские волхвы // Stratum plus №5. СПб.–Кишинев–Одесса.
- Романчук А. 2001/2002. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата // Stratum plus №3. СПб.–Кишинев–Одесса.
- Тельнов Н., Ворник В., Бубулич В. 2004. Новые археологические исследования на поселении свободных даков Прутень // Cercetări arheologice în republica Moldova (2000-2003). Chişinău.
- Ткачук М.Е. 1999. Гетика, которую мы потеряли. (Из антологий хронологических разрывов) // Stratum plus №3. СПб.–Кишинев–Одесса.
- Трубецкой Н.С. 2000. Наследие Чингисхана (Сб. работ). М.
- Шервуд Е.А. 1989. Предпосылки формирования итальянского этноса (социально-экономический аспект в V-VI вв.) // Романия и Барбария. М.
- Шпенглер О. 1991. Закат Европы. Т.2 // Самосознание европейской культуры XX века. М..
- Щукин М.Б. 1987. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ №28. С.103-118
- Daicoviciu C. 1970. Dacica. Cluj.
- Dumitrescu V. 1968. La nécropole tumulaire du première âge du fer de Basarabi (dep.de Dolj, Oltenie) // Dacia. T.XII. P.177-260.
- Niculita I., Teodor S., Zanoci A. 2002. Butuceni. (Monografie arheologică) // Bibliotheca Thracologica. T.XXXVI. Bucureşti.

Статья поступила в номер в феврале 2005 г.